

Е.О. БОБРОВСКАЯ

КОНТРАРНОСТЬ КАК СПОСОБ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ГЕНДЕРНОГО КОДА

В качестве индикатора трансформаций гендерных позиций привлечена контрарность трех уровней синтаксической модальности. В результате исследования сделан вывод: гендерные роли на данном этапе распределяются таким образом, что впоследствии женское поведение будет характеризовать активность, а мужское – пассивность во всех сферах деятельности, исключая профессиональную деятельность, в которой возможно полное или частичное сохранение мужской активности параллельно с женской.

Language code that is the syntactic code, lexical, morphological, etc. have a gender component, the so-called gender code, which can be expressed explicitly by means of each layer of language. The subject of our research is means of expressing of syntactic modality in gender aspect. At the three layers of syntactic modality we can research opposition in gender aspect. Feminine position in the future must be active. Masculine one now must be passive, we can see they are opposition. That is why we should be aware of modern gender position.

Мужская и женская роли в русской культуре всегда были распределены предельно строго и в нашем сознании находились в противопоставлении друг другу, что объясняется бинаризмом человеческого сознания. Эпоха глобализации расставляет свои коррективы: женское движение XX в., интерес к постмодернистской философии, которая акцентирует внимание на субъективном, на частной сфере жизни, на общественно конструируемом характере пола; непрерывный поток информации, в первую очередь в культурологических, исторических дисциплинах, открытость информации о социальных процессах в странах Европы и США – все это способствовало переосмыслению существующего уклада, что, с одной стороны, привело к попыткам изменения гендерных ролей, а с другой –

к полному непониманию противоположного пола. Толчком к осмыслению гендера как научной категории послужило изучение девиантного поведения – транссексуализма в 1940–1950-х гг. Л.Д. Ерохина в труде «Гендерология и феминология» указывает на то, что с 1955 г. сексологу Джону Мани «потребовалось разграничить общеполовые свойства, пол как фенотип от сексуально-генитальных, и сексуально-эротических, сексуально-прокреативных качеств» (цит. по: Пушкарева 2002, 161), для чего он и ввел понятие «гендер», хотя открытие это приписывают Роберту Столлеру, который в 1958 г. обобщил результаты работы своего коллеги в центре по изучению гендерного самосознания в университете Калифорнии в Лос-Анджелесе. Кратко историю гендерных исследований можно охарактеризовать как преобразование так называемых «женских» исследований в исследование «социального конструирования различий между полами» (Кирилина, Томская 2005, 115). Переосмысление гендерных ролей породило ряд проблем. «Главные трудности, с которыми будут сталкиваться люди XXI в., – не столько сексуальные, сколько коммуникативные – чувство одиночества, неудовлетворенная потребность в самораскрытии, любви и психологической интимности» (Кон 2001, 151). Отчего наступает непонимание? В первую очередь из-за неопределенности, из-за продолжающейся борьбы за господствующее положение в личной, профессиональной, социальной сферах. «Любые радикальные социальные изменения осуществляют прежде всего те, кто в них заинтересован, в данном случае – женщины. <...> Класс, который теряет господство, не торопится сдать свои позиции и делает это только под нажимом, в силу необходимости. Степень и темпы изменения гендерного порядка и соответствующих ему образов маскулинности очень неравномерны в разных странах, в разных социально-экономических слоях, в разных социально-возрастных группах и среди разных категорий мужчин и женщин» (Там же). Таким образом, гендерные позиции, состоящие из 8 бинарных оппозиций, в настоящее время четко не определены не только в нашей культуре, но и во всех существующих. В рамках данной статьи попытаемся проанализировать гендерные позиции русской ментальности, как и насколько они изменились и какова направленность этих изменений.

Трансформации женской и мужской позиций явно прослеживаются при анализе гендерного кода, рассматриваемого на лексико-синтаксическом уровне. Возможность спрогнозировать результаты, понять, что происходит с гендерной идентичностью в современном обществе, как повлияла глобализация и интеграция культур на мужское и женское сознание в частности, почему два пола никак не могут понять друг друга и найти компромисс, появляется благодаря рассмотрению гендерного кода путем анализа синтаксической модальности в аспекте их гендерной значимости.

«Вопреки ожиданиям, в конце XX – начале XXI в. роль семьи как ячейки общества, которая удовлетворяет важные человеческие потребности, не уменьшилась, а даже возросла. Во всем мире, включая постсоветское общество, семья – самая главная жизненная ценность и для мужчин и для женщин. С другой стороны, выполняемые мужчинами и женщинами семейные функции, не остаются неизменными» (Титаренко 2003, 61). Поэтому задача настоящей статьи – четкое определение сложившихся в современной действительности бинарных оппозиций, выявление гендерных ожиданий и стремлений посредством анализа гендерного кода.

Контрарность (противоположность, отношения несовместимости) – это один из важнейших способов уточнения синтаксической модальности, так как благодаря противопоставлению мы имеем возможность определить ведущую позицию, которая доминирует на данном этапе или станет доминировать впоследствии. Мы имеем возможность зафиксировать переломный, кульминационный момент, который наступает при принятии неосознанного/полусознанного/осознанного для себя решения, неожиданной либо резкой смены позиции, которая становится определяющей впоследствии, т. е. окончательной.

Опираясь на бинаризм человеческого сознания и на то, что «гендер есть социокультурный феномен, реализующий в социуме нормативно-ценностное строение человеческого сознания» (Коган 2003, 148), мы утверждаем, что даже переходный период не может разрушить бинарные оппозиции, он может лишь поменять акценты в расстановке их составляющих. Насколько изменились эти акценты, каков прогноз дальнейших преобразований, мы и пытаемся установить в данной статье. Практическим материалом нам послужат шесть романов, три из которых созданы авторами-женщинами (В. Токарева, Г. Щербакова) и три – авторами-мужчинами (Е. Гришковец, О. Рой).

Л.Г. Титаренко в работе «Гендерная социология» указывает на то, что «эксперты ООН разработали новую модель семейных отношений. <...> Мужчины должны быть больше втянуты в домашние дела, вынуждены считаться с мнением жены в процессе принятия семейных решений, принимать большее участие в воспитании детей. <...> Представления о материнстве и отцовстве стали вариативными. <...> Однако по-прежнему существуют и патриархальные семьи и нравы в семье, далеко не все мужчины готовы принять на себя новые функции и роли в браке, так что можно сказать, что

борьба между патриархатом и феминизмом продолжается, будучи сконцентрированной внутри семьи, дома» (Титаренко 2003, 64). Таким образом, мы можем предположить, что наиболее подвижна, неопределенна гендерная позиция в сфере межличностных отношений.

Авторы современного романа отражают стереотипы сознания современного человека, т. е. стереотипы мужского и женского сознания, степень осознания и принятия/непринятия мужского и женского поведения, причем это происходит в интерпретации автора-мужчины и автора-женщины. Именно современный роман отражает трансформацию стереотипов, потому что описывает современную нам действительность, в которой это преобразование и происходит. Семантическое наполнение синтаксических средств имеет огромное значение: интерпретация должна идти в зависимости от того, речемыслительная деятельность какого поколения описывается (отцы и дети), так как различия между ними должны быть радикальными, ведь два поколения являются представителями разных стереотипов; кроме того, необходимо различать сферы деятельности, о которых идет речь в повествовании (личные и профессиональные отношения), и стадии развития межличностных отношений (отталкиваясь от чего, можно верно истолковать динамику изменения синтаксического субъекта), реальность/нереальность (фантазии, мечты, фантастические вкрапления) описываемой действительности.

Синтаксический субъект трансформируется в процессе повествования, поэтому мы производим сплошную выборку из текстов для обеспечения валидности результатов. Ядро изменений содержится в оппозиции *импульсивность, активность – статичность, пассивность*, так как инициативность, будучи ранее чертой мужского поведения, стала характеризовать поведение женское.

Контрарные отношения на лексико-синтаксическом уровне высвечивают одно из важнейших противопоставлений – позиций уходящих и приходящих, что позволяет увидеть гендерные оппозиции в движении и предсказать направление этого движения, его приоритетные тенденции. Это дает возможность рассматривать бинарные позиции в диахроническом аспекте.

Таким образом, можно проследить контрарность женской активности и мужской пассивности: *Сергея говорил, что если бы в нашем обществе можно было иметь двух жен, то он женился бы на обеих, кормил их и развлекал, потому что ему нравилась и та и эта. Каждая за свое. Но в нашем обществе можно иметь только одну жену. Надо было выбирать. Сергей не знал, на ком ему остановиться. А та женщина знала. Она была сильным человеком и умела постоять за свое счастье* (В. Токарева. Один кубик надежды). Условное наклонение со значением возможности и желательности, характеризующее предполагаемую активность синтаксического субъекта, находится в контрарных отношениях с реальной пассивностью, выраженной общеотрицательным предложением, которая, в свою очередь, находится в резком противопоставлении с активным синтаксическим субъектом, отражающим позицию женскую. В результате женская динамика вступает в противоречие с женской статичностью, которая всегда характеризовала женскую позицию, а мужская пассивность – с мужской активностью.

Контрарность способствует осознанию ведущей гендерной позиции, благодаря тому, что акцентирует внимание на результате осознания своей гендерной роли, на финальном этапе гендерной самоидентификации, зачастую этой акцентуализации сопутствуют повторы, из-за которых противопоставление становится наиболее значимым. Например, цепочка общеотрицательных предложений перетекает в цепочку повторов сослагательного наклонения, выражающего возможность труднодостижимого, и завершается отрицанием возможности реализации необходимого. На отрицание возможности и падает акцент благодаря синтаксической контрарности, тем самым утверждая пассивность позиции главного героя: *[Нинина мама] презирает меня за то, что я живу в каком-то Шеллапутинском переулке, а не в центре. За то, что я не из профессорской семьи, что у меня нет зимнего пальто, что я не снимаюсь в кино, не печатаюсь в газетах, и зарабатываю меньше, чем она. Чтобы понравиться Нининой маме, я, предположим, мог бы обменять свою двухкомнатную квартиру на меньшую и переехать на улицу Горького. Мог бы сшить себе хорошее пальто, напечататься в газете. Но заработать больше, чем Нинина мама, я не могу* (В. Токарева. День без вранья).

Как показывают исследования, статичность становится предпочтительной для самих мужчин, что подтверждается их мечтами, снами, фантазиями или раскрывается противоречием сходных ситуаций, отличающихся поведением с возлюбленной и с девушкой, которая не интересует героя как партнера для построения серьезных отношений. Например, при описании предпочитаемой позиции: *Я отлично знаю, что звонить, конечно, не нужно. В этом нет решительно никакого смысла!* (Е. Гришковец. Рубашка) – модальность нецелесообразности отражает предпочтительную пассивность синтаксического субъекта, хотя сам герой придерживается активной позиции на стадии ухаживания, таким образом, наблюдаются контрарные отношения между предпочитаемой и реализуемой позицией. Также: *Почему она не ответила? Не услышала звонка? Опять же почему? Не хочет отвечать?*

Может быть, у нее определился номер того, кто ей звонит, то есть мой номер, и она не пожелала ответить? Почему? Я надоел? Или она занята? Или она не одна? Почему она не отвечает? Надо бы позвонить с другого, не известного ей номера... (Е. Гришковец. Рубашка) – субъективная модальность целесообразности отражает динамику синтаксического субъекта. Противоречия между реализуемой и желательной позициями снимаются после налаживания отношений между героями, и желательная позиция переходит в реализуемую: *Не знаю, как у меня повернулся язык сказать то, что я сказал в следующий момент. Просто ума не приложу. Я сказал, что сам сейчас приехать никак не могу* (Е. Гришковец. Рубашка) – пассивный синтаксический субъект отражается субъективной модальностью невозможности. Или: *...бросился искать Ее. Но не нашел. На звонки Она не отвечала. Я набрал Ее номер раз сто за вечер... А ночью чуть не умер* (Е. Гришковец. Рубашка). Мы наблюдаем усиление контрастности за счет парцелляции. На таком коротком отрезке противопоставленные отношения встречаются дважды: с акцентированием пассивности синтаксического субъекта в результате употребления общеотрицательных предложений.

Данный пример отражает наиболее выраженные синтаксические контрастные отношения, так как они выявляют момент перелома: отношения только что прояснились, установились, и, следовательно, начинает реализовываться предпочтительное мужское поведение.

Кроме того, можно выявить основные позиции в личной сфере благодаря описанию семейной жизни героя. Это позиции, типичные в современном обществе: *Я ее сильно не любил. Нет. Не любил... А она меня любила, Саня. Вот так-то* (Е. Гришковец. Рубашка) – контрастность общеотрицательных предложений, отражающих пассивную мужскую позицию, и общеутвердительных, отражающих активную позицию женскую, что раскрывает реальные гендерные роли.

В современном романе мы находим подтверждение тому, что изменение гендерных оппозиций полностью не отражается в сознании современной женщины, которая, принимая на себя активное, инициативное начало, все же воспринимает мужчину как деятеля, создателя, защитника, свою опору и поддержку. В сознании женщины эти характеристики мужского поведения еще закреплены в качестве эталона. Следовательно, встречая мужчину, которого героиня воспринимает как идеального спутника, она стремится передать ему инициативу в личной сфере, а тем более утвердить его динамичность в сфере профессиональных отношений. Например, контрастные отношения могут быть оформлены как диалог с женщиной, которая указывает на то, что даже обстоятельства вокруг мужчины в профессиональной деятельности должны быть активны: *Скажите, – спросила она, – неужели у вас нет большой мечты? – Это был уже не наводящий вопрос. Это был простой человеческий вопрос. – Есть. Я хочу писать рассказы. – Почему же не пишете? – Я пишу, но их не печатают. – Почему? – изумилась она. – Говорят, плохие. – Не может быть. У вас должны быть хорошие рассказы* (В. Токарева. День без вранья). Активные обстоятельств в женской интерпретации выражается деонтической модальностью должностования, что находится в противоположных отношениях с мужской интерпретацией, выраженной общеотрицательным предложением, отражающей пассивность синтаксического субъекта – обстоятельств.

У мужчины происходит обратный процесс: при встрече с возлюбленной поведение его колеблется; в стадии налаживания отношений прослеживается преобладание активного синтаксического субъекта, который переходит к статичности после установления взаимоотношений, причем этот вариант является желательным, что подтверждают мечты героя. В профессиональной сфере при наличии возлюбленной наблюдается появление дополнительной возможности, а при отсутствии серьезных отношений – в работе субъект пассивный, например: *С Витой Игорь все-таки встретился. Возможно, это было неразумно, но его непреодолимо тянуло к ней. Настолько непреодолимо, что он даже не мог сосредоточиться на дороге, что случилось с ним достаточно редко* (О. Рой. Мир над пропастью). Частица *даже* способствует усилению модальности невозможности, а вводное слово вносит в высказывание значение предположительности, неуверенности говорящего в том, что высказывается, отражает пассивность синтаксического субъекта в профессиональной сфере (главный герой – профессиональный водитель). При отношениях с истинной возлюбленной наблюдается обратная ситуация: *Он с трудом мог сосредоточиться на дороге. Ему хотелось обнимать их снова и снова* (О. Рой. Мир над пропастью) – модальность возможности отражает динамику синтаксического субъекта в профессиональной сфере.

Контрастность женской позиции наблюдается в зависимости от того, с любимым или с нелюбимым человеком героиня устанавливает отношения: *Она принесла из ванной мокрое полотенце и вытерла ему лицо. Станным оно было в ощущении – лицо чужого мужчины. Оно оказалось большим и сильным, и твердым, и Елена вдруг почему-то подумала, что никогда не ошупывала, не трогала руками лицо мужа* (Г. Щербакова. Женщины в игре без правил). Общеутвердительные предложения отражают активность женской позиции (синтаксического субъекта) при встрече любимого, что

находится в противопоставлении с пассивностью при взаимоотношениях с мужем, которого не любила, вследствие чего отношения не сохранились. Сохранность отношений обеспечивает та позиция, которая является истинной в данный период, а значит – предпочтительной. В современном обществе – это активная женская позиция.

Часто наблюдаются противоречия между восприятием противоположного пола и реальной позицией его представителей: *Извини, не могу сейчас говорить, перезвоню сама, – и отключилась. Почему не может? Уже не рабочее время, а если даже рабочее, зачем же так-то! Она перезвонит! Когда? Ждать невыносимо! Но она уже сказала, что перезвонит сама, и значит, сам я уже перезвонить не могу. Она же сказала!.. Вдруг она в больнице у кого-нибудь или на похоронах, мало ли что. А если она позвонит нескоро, как тогда жить? А если вовсе не позвонит сегодня, как спать? Как дожить до завтра? Надо немедленно придумать совсем весомый повод, чтобы как бы не мочь снова не позвонить* (Е. Гришковец. Рубашка). Женщина сообщает об отсутствии возможности на данном отрезке времени, но об активной позиции впоследствии, мужчина же пытается утвердить ее пассивность, с тем чтобы самому приобрести активность, что отражает субъективно-объективная деонтическая модальность необходимости. Следует подчеркнуть, что мужчина стремится в данной ситуации к активности, так как отношения находятся на этапе становления. Или: *Он продолжал постоянно что-то говорить. А я понял, что так боюсь опоздать!!! Хотя, чего было так бояться? Если взглянуть на ситуацию иначе... Ну, на сколько я могу опоздать, ну, на десять минут. Что Она, не поймет? Да поймет, конечно!* (Е. Гришковец. Рубашка). В данном случае контражность общеотрицательного и общеутвердительного предложений указывает на активность синтаксического субъекта, что отражает женскую позицию в мужском видении, эта позиция усиливается употреблением вводного компонента со значением уверенности.

Мотив дружбы у мужчин становится одним из важнейших, определяющих, активизирующих, что не прослеживается во взаимоотношениях женщин: *Отменить ВСЁ, а главное не вставать, не зажигать яркий свет, не умываться и не бриться, не надевать носки... и все остальное, не выходить из квартиры, позвякивая ключами, не гасить перед уходом свет в прихожей, не давить на кнопку с цифрой "1" в лифте, не выходить на улицу, не делать первый утренний холодный вдох, не садиться в твердую, холодную машину... и не ехать в аэропорт, чтобы встретить Макса. Макса, который подлетал сейчас к городу и был неотвратим. Но Макса, моего друга Макса, отменить было невозможно. И значит, нужно было делать это ВСЁ!* (Е. Гришковец. Рубашка). Таким образом, можно проследить контражность общей позиции (пассивная, что отражено цепочкой отрицательных действий в форме побудительного наклонения) и позиции, предполагающей присутствие друга (активная, что отражено субъективно-объективной деонтической модальностью необходимости). Кроме того, одним из определяющих противоречий становится противопоставление позиции при общении с другом и позиции в сфере любовных отношений: *Если сегодня Она не может, точно скажет, что сегодня не может, тогда сразу после стройки отправлюсь на воссоединение с Максом... и надо выпить!* (Е. Гришковец. Рубашка), т. е. пассивная женская позиция предполагает активность мужской позиции в сфере дружеских взаимоотношений, что отражено субъективно-объективной деонтической модальностью необходимости.

Еще одним из определяющих аспектов употребления синтаксических контрарных отношений является характеристика реальной позиции и позиции в мифических либо фантастических обстоятельствах, в которых человек оперирует позицией предпочитаемой, например, при описании реальных обстоятельств: *Когда-то, безумно влюбленная, она ждала от Игоря пылких эмоций, мечтала о совместной жизни, грезила о вечной страстной любви и взаимной верности. Он никогда не бывал с ней резок, никогда грубо не отвергал ее идилических намеков и сентиментальных девичьих разговоров. Но однажды, в Крыму...* (О. Рой. Амальгама счастья). И там же: *Давай поженимся. – Она прошептала это так тихо, что на долю секунды сама поверила в то, что ничего не было сказано.* Женская активная позиция является ведущей, так как характеризует женское поведение на этапе любви, а мужчина находится в позиции пассивной. Как только любовь проходит, женщина переходит в статичную позицию, а свою динамику начинает реализовывать в фантастической реальности: *А потом вдруг все кончилось. То есть Игорь был, и Даша была, но ничего стоящего с ними уже не происходило. Даша уже не заговаривала о будущем.* Общеотрицательное предложение отражает переход женской позиции в пассивную. Тот факт, что активность является свойством женской позиции, прослеживается и в следующем отрывке: *Впрочем, все быстро вошло в обычную колею, и, привыкнув всегда ценить ее необременительное присутствие рядом с собой, он даже не подозревал, насколько больше она могла бы ему дать и какой малостью была эта ее ровная дружба по сравнению с тем, что он когда-то потерял...* (О. Рой. Амальгама счастья). Потенциальная действенность синтаксического субъекта представлена субъективной модальностью возможности легко осуществимого.

Контрарность реальности и фантастичности прослеживается и в следующем примере: *Курить на самом деле не хотелось, как не хотелось ни есть, ни пить, ни разговаривать. Вечер вообще не задался, и Даша жалела, что поддалась на уговоры и не осталась дома. Ей снова хотелось остаться одной, посидеть в тишине, подойти к бабушкиному трюмо и, может быть... может быть, снова обрести свой негаданный сон, принесший ей такое чувство освобождения и покоя* (О. Рой. Амальгама счастья). Наблюдаем противопоставление отрицания субъективной модальности желательности в реальной действительности и присутствие этой модальности в ирреальности, в зазеркалье.

Таким образом, мы рассмотрели основные случаи привлечения контрарности для акцентуализации ведущей гендерной позиции как при описании реальной действительности, так и при описании фантастических обстоятельств. В результате исследования можно сделать вывод: гендерные роли на данном этапе распределяются таким образом, что впоследствии женское поведение будет характеризовать активность, а мужское – пассивность во всех сферах деятельности, исключая профессиональную деятельность, в которой возможно полное или частичное сохранение мужской динамики параллельно с женской предприимчивостью.

ЛИТЕРАТУРА

Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–132.

Коган И.Л. Гендерная культурология: культура пола и пол культуры. Мн., 2003.

Кон И.С. Человеческие сексуальности на пороге XXI в. // Вопр. философии. 2001. № 9.

Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. М., 2002.

Титаренко Л.Г. Гендерная социология. Мн., 2003.

Поступила в редакцию 17.11.11.

Елена Олеговна Бобровская – аспирантка кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций БГПУ им. Максима Танка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций БГПУ им. Максима Танка И.П. Кудреватых.